

После обеда я направился к ателье, как и обещал. Кунагиса, как обычно, сказала, что не голодна, и вскоре после полудня ушла спать. Она была маленькой хронически недосыпающим техником.

— Разбуди меня перед ужином, пожалуйста. Я должна увидаться с Ирией-тян и всё такое, — сказала она.

Я постучался в дверь ателье, подождал ответа, а затем повернул ручку.

Пол был сделан из твёрдой древесины. На нём не было ковров. В некотором смысле он напомнил мне о кабинете искусства в моей младшей школе, за исключением того, что эта комната, само собой, не была заставлена ободранными партами и в ней не было гипсовых скульптур, казавшихся поддельными. Ателье также не было таким большим. Его общая площадь, наверно, составляла примерно половину размера комнаты, в которой жила Кунагиса.

— Добро пожаловать. Присядь там, — недолго и молча глядя на меня, сказала Канами-сан. Синья-сан, скорее всего, был либо в своей комнате, либо где-то ещё, поскольку Канами-сан была единственным человеком здесь. Я прошёл мимо полки с краской и расходниками и занял место, на которое мне указали.

Я посмотрел в лицо Канами-сан.

— Спасибо.

Я не мог отрицать факт привлекательности этой женщины. Своими светлыми волосами и синими глазами она напоминала мне одну из тех «чистокровных барышень», которых можно увидеть в старом кино. При этом интеллигентная. И вдобавок к этому она обладала художественным даром, будто у неё был дар Божий.

Нет, я вряд ли смог бы сказать такое.

У неё были слабые ноги, и ещё несколько лет назад она даже не могла видеть. Наверно, было бы чертовски низко с моей стороны жаловаться, имея при этом здоровое тело. Но, с другой стороны, сама Канами-сан не называла своё состояние следствием болезни или инвалидностью.

«Бог справедлив. Будь у меня совершенно здоровое тело, это, наоборот, было бы несправедливо по отношению к обычным людям.» «Ноги — всего лишь украшение.» «Даже после обретения мной зрения мой мир не особо изменился. Он выглядел именно так, как я и думала. У естественного отбора и судьбы был необычайно дурной вкус.»

Все эти фразы — цитаты из артбуков Канами-сан.

Канами-сан сидела в таком же круглом деревянном кресле, в котором сидел я. Она была в платье, которое показалось мне слегка неудобным.

— Канами-сан, именно это ты носишь, когда рисуешь?

— Ты сомневаешься в моём чувстве стиля?

Её лицо стало чуть более суровым. Похоже, она не шутит. Она действительно обиделась. Я изо всех сил пытался вылезти из этой ситуации.

— Нет-нет, я не это имел в виду. Я всего лишь думал о том, что твоя одежда моет испачкаться.

— Я не меняю свою одежду всякий раз, когда рисую что-то. До сих пор я ни разу не испачкала свою одежду во время рисования. Я ведь не дура.

— Ох, понимаю.

Мне казалось, что она была опытным каллиграфом. Оглядываясь назад, можно сказать, что испачкать одежду краской — грубая любительская ошибка. Для Канами-сан, одной из лучших художниц во всём мире, само упоминание ошибки казалось чем-то грубым.

Меня передёрнуло.

— Но стоит ли тебе рисовать кого-то вроде меня?

— Что это должно значить? — огрызнулась она с тем же суровым выражением лица. Видимо, настроение у неё было ужасное. Или, может быть, она обычно так себя и вела.

— Видите ли, это разве не умалит твоих заслуг как художницы?

К примеру, можно было с уверенностью сказать, что Кунагиса разбиралась в технике, как никто другой. Но при этом она использовала эту самую технику исключительно удовольствия ради, так что тех, кто действительно признавал её гениальность, было всего ничего.

— Уважение приходит с результатами. Не делать и не быть способным сделать это — одно и то же.

Таков был случай Кунагисы.

Я понял, что то же самое касалось и художников. Будет тяжело заставить других людей признать твою значимость как художника, если просто случайно выбирать моделей для картин и всё время бездельничать.

Но Канами-сан отвергла мои идеи.

— Разве я не сказала тебе только что, что я не дура? У тебя мозг вообще есть? Я не хожу вокруг да около в поисках моделей. Видишь и, люди не узнают, насколько ты глуп, если ты будешь молчать, так почему бы тебе просто не сделать именно так?

Моё сердце разрывалось.

— Я... я терпеть не могу такие суждения. От них мне хочется вырвать. «О нет, не было ничего хорошего, что можно было бы нарисовать.» «Моя модель была никакой.» «Обстановка была совершенно не подходящей.» «Это не то, что я должна рисовать.» И это касается не только художников. Даже ты знаешь людей, постоянно извергающих из себя возмутительно эгоистичные изречения: «Нет, это не то, чем я должен заниматься.» Или: «Ох, я не знаю, чем я хочу заниматься.» Так ведь?

— Да, я знаю таких.

Да, самого себя.

— Ради всего святого, — вздохнула она. — Я ненавижу людей, скулящих о том, чем они хотят, а

чем не хотят заниматься, возводя на первое место собственную глупость. Я хочу сказать им, чтобы они перестали быть придурками. Не в том мысле, что все они должны умереть, но им следовало бы быть скромнее. Просто нарисуй что-нибудь и прекрати без конца ныть. И мне плевать, будет это какой-нибудь скучный козёл или куча требухи. Я бы сделала из этого прекрасное произведение искусства.

Независимо от своей милой и красивой внешности она была уверена в себе. Она была настолько бескомпромиссной, что даже не прощала тех, кто шёл на компромисс.

Неприятно, когда тебя сравнивают с требухой, но она точно нарисовала бы это, если бы могла. Видимо, дальнейшее высказывание вдумчивых комментариев ни к чему хорошему не приведёт, поэтому я решил промолчать.

Я обратил внимание на холст позади Канами-сан. На нём карандашом был нарисован вид на цветущую вишню под углом. На ту самую, которую она созерцала сегодня утром с Синьей-сан.

Он был так аккуратно нарисован, что он больше напоминал монохромную фотографию. С общим разрешением в примерно десять миллионов пикселей. Нет, это глупо. Ни к чему упрощать такую замысловатую картину подобной метафорой.

Я указал на картину:

— Когда ты нарисовала это?

— Сегодня утром. Ещё вопросы?

Она смотрела на то дерево рано утром, то есть примерно пять часов назад. Другими словами, она смогла нарисовать эту поразительно детальную картину за каких-то пять часов. На рисование такой картины, как эта, нужно потратить минимум одну неделю. Не подумав, я бросил ей скептическое выражение лица. В ответ она дерзко посмотрела на меня.

— Только идиоты тратят три или четыре месяца на то, что можно сделать за неделю. Дегенераты или лентяи. Но раз уж я ни идиотка, ни лентяйка, то я нарисовала эту картину за три часа. Это не займёт у меня больше времени, чем это.

Вот как.

Будучи самым настоящим воплощением лени, я испытывал боль, слушая это. Меня будто ужалили. Как бы мне хотелось, чтобы и Кунагиса услышала это.

— Ведь так? Даже ты должен с этим частично согласиться, ведь так? — сказала она грубым тоном, требуя моего согласия. Я не мог отделаться от ощущения того, что она набросилась на меня с прямым оскорблением. И я не уверен в том, что это всего лишь ложное впечатление.

— Ну, нет, видишь ли... да. Но, в любом случае, ты действительно хороша.

— Да, конечно, — ответила она, будучи незаинтересованной моей примитивной похвалой. Если так подумать, то это было чересчур безвкусное замечание с моей стороны. Ты действительно хороша. Больше похоже на то, что сказал бы пятилетний ребёнок.

— Так ты, Канами-сан, детализируешь картины?

— Я рисую любые картины. Ты не знал?

Конечно, свисток мне в рот. Женщиной, стоявшей передо мной, была Ибуки Канами-сан, женщина, отрицавшая собственную приверженность к какому-либо стилю и не занимавшая никакую позицию. Не было картины, детальной или абстрактной, которую она не смогла бы нарисовать.

Она прищурилась одним глазом:

— Я не закидываюсь на одном стиле. Это не закон, высеченный в камне, но чрезмерное закидывание на чём-либо — безумие. Настоящее безумие. Если и есть что-то, чем мне хочется заниматься, то это рисование.

— Полагаю, ты права? — Будучи не в состоянии поспорить или согласиться, я решил кивнуть. Возможно, видя меня насквозь, она кивнула мне в ответ с презрительной усмешкой.

— Постой, ты хоть когда-нибудь видел мои картины?

— Ну, пару раз в ваших книгах. Но сейчас я впервые вижу их в силу собственного невежества.

— И что же ты думаешь о них? Точнее, о той, на которой нарисована вишня, а не о тех, что были в книгах.

Этот вопрос Канами-сан стал для меня неожиданным. Мне никогда и в голову не приходило, что эти так называемые гении волнуются из-за мнения других людей о них. Начиная с Соноямы Аканэ, никто из членов ER3, включая жалкую группу учеников из других стран, не был тщеславен, не стремился к славе и не беспокоился из-за собственного имиджа в глазах общественности.

— Себя я знаю лучше, чем кто-либо. Мне не нужно сидеть здесь и позволять кучке безмозглых лодырей оценивать меня. — Настолько единодушно думали они. Наверно, именно поэтому я не фанател от них.

— Ну, — начал говорить я, пытаюсь придумать ответ, — знаешь, это очень приятная картина.

— Приятная картина? — повторила она. — Тебе незачем пытаться льстить мне. Я не стану злиться.

— Просто у меня нет критического взгляда или способности к мышлению для оценки подобных вещей. Но я всё равно считаю, что эта картина приятная.

— Хм-м... красивая?

Её лицо, обращённое к холсту, выражало совершенное разочарование. Она пробормотала что-то:

— Приятная... приятная-приятная-приятная. Не такими комплиментами стоит одаривать живопись.

— Что?

— Ты ведь не понимаешь это? Чёрт, как же мне не хочется это делать. Что за пустая трата времени.

Она тяжело вздохнула, сгорбилась и взяла холст.

Она подняла его над своей головой...

...и сломала его о деревянный пол.

Треск расколовшегося дерева.

Понятно было, что сломался явно не пол.

— Постой, ч-что ты делаешь?

— Как видишь, я избавляюсь от своей ошибки. Ах, почему всё закончилось именно так?

Последнюю фразу должен был сказать я. Она уставилась на расколотый холст с выражением грусти на лице и ещё раз вздохнула.

— Боже, мне показалось, что однажды эту картину оценили бы в двадцать миллионов.

— Иен?

— Долларов.

Другая единица измерения.

— Само собой, речь идёт о будущем, которое наступит спустя десятилетия.

— Художники иногда бывают весьма безрассудными, да?

Я мог разве что чувствовать вину за то, что мои чёртовы комментарии привели к этой катастрофе.

— Тебе не стоит думать так, будто ты сделал что-то неправильное. Ответственность за это лежит на мне. Я ведь не имбецилка, перекладывающая ответственность с себя на кого-нибудь ещё.

— Но я всего лишь обыватель. Тебе не следовало делать что-то такое, опираясь на мнение какого-то обывателя.

— Искусство таковым не является, если ты сам решаешь, кто будет его созерцать, — настаивала она.

Так вот как всё было.

Я мог понять это.

Её слова и манеры были переполнены злобой, но, надо признать, эта женщина была художницей до мозга костей.

— Но она была такой реалистичной, будто это была фотография.

— Это тоже не является комплиментом. Послушай: если у тебя привычка льстить людям оборотами вроде «это как бла-бла-бла», то тебе следует от неё избавиться. Это самое страшное оскорбление. Но надеяться на что-либо не стоит, если тебе необходимо запечатать всё в стиль.

— Она обернулась ко мне. — Но, думаю, я могу понять, почему ты сравнил ту картину с

фотографией. В конце концов, фотографии изначально появились из-за картин.

— И это действительно так?

— Да. Ты не знал? — Она подняла бровь.

Похоже, что употребление фразы: «Ты не знал?», — было её привычкой.

— Человек, который изобрёл дагеротипию, был «фактически художником». По-видимому, изучение перспективы связано с изобретением камеры. Ты когда-нибудь слышал про камеру-обскуру?

Да, слышал. Так называемая «тёмная комната». Феномен, согласно которому окружение снаружи совершенно тёмной комнаты, в одной из стен которой проделана дыра, будет проецироваться на противоположную стену. Эта технология была старой: о ней знали ещё во времена Римской Империи, её даже упоминал Аристотель. Предполагают, что там его и открыли.

— Это было лишь одно изобретение, которое использовали для создания чётких изображений. Основная идея перспективы — «показывать вещи так, как они действительно выглядят». Так говорил французский художник Курбе. Также он отмечал с нотками реализма: «Я никогда не видел ангела, так зачем мне рисовать его?» Однако, это противоречит моей философии. В рисунке ребёнка никогда нет перспективы или глубины. Всё изображено на переднем плане. Размеры объектов также произвольны, поэтому, например, дом и человек одного размера или самая важная вещь является самой большой. Другими словами, они изображают на холсте не внешний вид объектов, а то, как они ощущаются. Если ты считаешь, что рисование — форма самовыражения, то я скажу, что именно так и нужно думать. При развитии этой мысли окажется, что картина, не отличающаяся от фотографии, не может считаться хорошей. Согласен?

— Ничего себе.

Как только она перестала использовать профессиональный жаргон, я перестал понимать, о чём она говорила. И при всей этой болтовне она даже не начала подготавливаться к рисованию. Когда именно она намеревалась приступить к делу?

— По правде говоря, фотографии ведь тоже не являются точными представлениями реальности. Если ты хорошо отредактируешь какое-нибудь фото, то ты без труда одурачишь людей. Наверно, они не слишком сильно отличаются от картин в том плане, что в обоих случаях работает избирательность.

— Эм-м, Канами-сан, ты собиралась рисовать меня?

— Пока что я запоминаю.

В том момент, когда мне показалось, что меня опять назовут некомпетентным, она неожиданно мягко заговорила со мной:

— Может, ты не знал? Я из тех, кто должен выполнять свою работу в одиночестве. В противном случае моё внимание рассеивается.

Говорила она как Леонардо да Винчи. Не каждый день услышишь о художниках, которые

одновременно и не смотрят на объекты во время работы, и рисуют, но при этом они и не самая необычная вещь в мире, поэтому я не особо удивился.

— Когда я рисую портреты, я полагаюсь исключительно на свою память.

— Ты способна на это?

— Для меня память и восприятие — одно и то же.

Теперь звучание её голоса напоминало каннибала Ганнибала.

— Ты не будешь против, если мы останемся здесь ещё на два часа и поговорим? Тогда я начну рисовать после того, как ты уйдёшь. Ах да, после того, как я перерисую ту картину цветущей вишни. Я хочу превратить её в нечто, что получится понять хотя бы у тебя. Для твоей картины мне нужно будет нанести два слоя краски, поэтому это займёт некоторое время. Я смогу отдать её тебе завтра утром.

— Ты отдашь её?

— Конечно. Мне подобные картины не нужны. Мне не интересны завершённые полотна. Видишь ли, тебе нужно сделать что-то хотя бы порядочное, чтобы продать это. Конечно, ты можешь уничтожить её в любой момент, если она тебе не понравится, но это в некоторой степени бессмысленно. Она должна стоять примерно пятьдесят миллионов.

Какая материалистичная беседа.

— Кстати, — вздохнул я, — мне доводилось слышать о твоих плохих отношениях с Аканэ-сан. Это так?

— Да. Точнее, это больше похоже на одностороннюю ненависть с её стороны. Будучи индивидом, учёной, исследовательницей и членом «Семи глупцов» ER3, лично я уважаю Сонояму Аканэ и отношусь к ней с добротой, но...

— Но что? Что это должно значить?

Она ухмыльнулась:

— Когда речь заходит о «всего лишь невзрачной» Сонояме Аканэ, то я презираю её.

Два часа спустя.

После того как я вышел из ателье Канами-сан, а направился в комнату Кунагисы. Она лежала в кровати, но было заметно, что она в какой-то момент проснулась и починила мои часы. Во время проведения розыгрыши мирового масштаба она изменила их лицевую сторону так, чтобы цифры выводились задом наперёд, но они, по крайней мере, работали, так что я надел их на свою левую руку, погладил спящую Кунагису по голове, поблагодарил её и пошёл в сторону комнаты Аканэ-сан.

— Поиграй со мной. — бросила она мне вызов, а затем добавила с радостной улыбкой: — Я дам тебе фору.

После этого она поставила на свою сторону доски для сёги фигурами из шахмат.

— Это японо-западное соглашение.

— Вроде двух разных стилей боевых искусств?

Несмотря на фору, меня разгромили до основания. Семь раз подряд.

<http://tl.rulate.ru/book/4792/2380577>